

Зубов Андрей Борисович. Думаю, для того, чтобы понять происходящее в последние годы, нам необходимо кратко обратиться к истории христианства. Еще в евангельские времена перед Церковью был поставлен вопрос Пилата: «Ты - царь?» В этом вопросе прозвучал тот вызов Церкви, который вновь и вновь повторялся в ее истории. И особенно острым этот вызов стал после окончания эпохи мученичества. «Объятия» таких христианских правителей как императоры Константин, Феодосий или как Людовик XIV иногда оказывались для Церкви более страшными, чем откровенные гонения врагов. Нередко Церковь находила в себе силы противостоять удушающим объятиям христианских правителей, как это было, например, в случае с Амвросием Медиоланским, который не пустил в храм императора после резни граждан в Фессалониках, но зачастую Церковь поддавалась соблазну и на вопрос: «Ты - царь?», звучат положительный ответ.

В XVII-XVIII веках этот вопрос звучал для Церкви в форме очень сильного искушения абсолютизмом. И Протестантская, и Православная, а частично и Католическая Церкви этого искушения не выдержали. И на Западе, в таких странах как Австрия и Франция, и в православной России в эпоху абсолютизма Церковь фактически стала ведомством государства по обслуживанию в основном низшего класса. Церковь стала ведомством, идеологически одобряющим решения власти, она перестала быть совестью общества, но во многом стала лишь бюрократической структурой. Цена за такое изменения была безмерно велика – секуляризация общества, которая шла и сверху и снизу. Сверху секуляризация происходила потому, что церкви как ведомству не полагалось иметь автономных источников существования. А снизу секуляризация шла поскольку общество постепенно теряло доверие к той Церкви, которая не говорила о правде Божьей, не мерила этой правдой все, включая императора и его окружение, а стала лишь инструментом по обслуживанию власти. В католическом мире это случилось в более мягкой форме, потому что центр церковной жизни – Рим – был вынесен за пределы империи. В протестантских странах и России ситуация оказалась более печальной, поскольку государственный и церковный центр были соединены. Французская и русская революции, революционный процесс в Австрии и Германии вдохновлялись идеей того, что Церковь лжива, христианское царство лживо и, соответственно, надо разрушить и то и другое. Как бы ошибочна не была эта идея, но ее следствием была секуляризация общества и обрушение константиновой схемы взаимоотношения государства и Церкви. В результате этого XX век – это век, когда большинство населения христианских стран отходит от веры.

Процесс секуляризации шел, прежде всего, в христианском мире. Потом уже как следствие он проявится на Дальнем Востоке, в Китае, в Монголии, в Тибете. Но основу этого процесса дал христианский мир. Другие религиозные системы, будь то ислам, буддизм или индуизм, предполагают создание религиозного сообщества, сообщества верных, которые организуют свою жизнь в соответствии с принципами религиозной жизни. Это некоторая

религиозная социальность: умма, сангха, и т.д. и суть ее в том, что здесь на земле формируется правильная религиозная система отношений. Но в этот ряд уммы, сангхи нельзя включать Церковь.

Церковь изначально не есть земная социальность: «Царство мое не от мира сего». Мир всегда стремится использовать Церковь как свой социальный институт, и люди, представляющие Церковь, очень часто идут навстречу этому соблазну. Возникает соблазн: государство, считающее себя церковным, заставляет общество быть церковным. Инструмент государственной власти – это сила. За полтора тысячелетия сложилась привычка Церкви быть частью государственной власти. Но реальность сегодняшнего дня такова, что Церковь уже больше не является государственной. И нет уже больше религиозной социальности, а есть сообщество верных, которое может быть большим или меньшим, но которое находится вне политической власти и вне доминирующих социальных процессов. И церковь меняет свое отношение к миру, к жизни и меняет, как верно это сказал о.Всеволод, не социальной концепцией, а фактом жизни.

но которое находится вне политической власти и вне доминирующих социальных процессов. И церковь меняет свое отношение к миру, к жизни и меняет, как верно это сказал о.Всеволод, не социальной концепцией, а фактом жизни.

Факт мученичества, который мы пережили в первой половине XX века, означает, что церковь и общество не едины. Мученичество исходит не только и не столько от власти, сколько от нецерковного народа. Погромы 20-30-гг – это во многом инициатива самой русской молодежи. Память о старой и ложной системе государственного христианства пленяет и сегодня многие умы. Некоторым вариантом этой памяти является то, что христианские ценности вновь в этом мире стремятся сделать главенствующими, определяющими. В частности, это попытка проявляется в дискуссии вокруг преамбулы конституции объединенной Европы.

Сегодня перед Церковью стоят многие вызовы. Один из них - разрушение семьи. Революция в семье нами еще не оценена по достоинству, но она не менее значима, чем социальные революции. Церковь – малое стадо, и она не может что-то делать, используя властные рычаги. Единственный путь церкви ответить на нравственные и другие вызовы – это осмысление миссии церкви, как вечного хранителя и созидателя правды Божьей на земле.

16 декабря 2005

круглый стол

*«Пределы терпимости в политической культуре
современной Европы: от европейской конституции
до уличных беспорядков ноября 2005.
Православный и католический подходы»*